

2. Боровков Д.А. Междукняжеские отношения на Руси. Конец X — первая четверть XII в. М.: Центрполиграф, 2021. 254 с.
3. Галл Аноним. Хроника и деяния князей или правителей польских/ под ред. А.Н. Тихомирова, М.: Изд-во АН СССР, 1961. 172 с.
4. Греков Б.Д. Киевская Русь. М.: Государственное издательство политической литературы, 1953. 569 с.
5. Киево-Печерский патерик, или Сказания о житии и подвигах свв. угодников Киево-Печерской лавры. 2-е изд., испр. и знач. доп. Одесса : тип. Е.И. Фесенко, 1902. 368 с.
6. Лукин П.В. Киевское восстание 1068 [Электронный ресурс] // Большая Российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/kievskoe-vosstanie-1068-91de4a> (дата обращения 14.10.2024)
7. Мавродин В.В. Народные восстания в древней Руси XI—XIII вв. М. : Соцэк-гиз, 1961. 118 с
8. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М. Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 642 с.
9. Новгородская летописи. (Так называемая Новгородская вторая и Новгородская третья летописи). Санкт-Петербург: Археографическая комиссия, 1879. XXIV, 488, 113, [2] с.
10. Полное собрание русских летописей. Том первый. Лаврентьевская летопись. Ленинград, Издательство Академии Наук СССР, 1926–1928. 379 с.
11. Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси / Литаврин Г.Г. [и др.]. М.: “Наука”, 1988. 272 с.
12. Тихомиров М. Н. Древняя Русь. М.: Наука, 1975. 428 с.
13. Фроянов И.Я. Древняя Русь IX—XIII веков. Народные движения. Княжеская и вечевая власть / И.Я. Фроянов. М. : Русский издательский центр, 2012. 1088 с.
14. Lukowski J., Zawadzki H., A Concise History of Poland. New York: Cambridge University Press, 2019. 534 p.

М.В. Левицкий

*Пермский государственный национальный
исследовательский университет*

ВОПРОС НАЛИЧИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЛЯХ ПЕРМИ ВЕЛИКОЙ К МОМЕНТУ НАЧАЛА РУССКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ ПРИКАМЬЯ

В истории русской колонизации Прикамья вопрос наличия государственности на этих землях, в частности, в Перми Великой, представляется одним из наиболее актуальных, поскольку освящение процесса политогенеза, связанного со многими другими аспектами функционирования об-

щества, поможет в большей степени понять феномен русской колонизации Перми Великой и ее вхождения в состав Московского государства.

Целью данной статьи является анализ наиболее актуальных, по мнению автора, теорий происхождения государства в контексте истории Перми Великой XI-XV вв.

Первая из теорий, которая будет рассмотрена, является марксистская теория происхождения государства. Одним из главных компонентов марксистской концепции является формационный подход, согласно которому ко времени Высокого Средневековья в Перми Великой должна была сформироваться феодальная формация.

По мнению В.А. Оборина, «местные племена перешли от первобытно-общинного строя к феодализму, минуя рабовладельческую формацию» [цит. по: 4, с. 51]. Уровень развития хозяйства к тому времени позволил выделить родоплеменной знати, которая, согласно марксистской концепции, занималась эксплуатацией соплеменников с помощью так называемого внеэкономического принуждения. Н.А. Прокошев даже считал Пермь Великую XIV в. «местным феодальным княжеством» [1, с. 224].

Тем не менее, согласно современным представлениям исторической науки, наличие феодализма является спорным вопросом даже относительно устройства самой Древней Руси, не говоря уже о Перми Великой.

Согласно историческим источникам и археологическим материалам, в период правления Великопермской династии 1451-1505 г., ни тем более в предшествующий период, не наблюдается формирование каких-либо бюрократических структур и связанных с ними понятий о государстве и праве, а власть династии основывается на институтах родоплеменного общества.

Такого же мнения относительно государственности и феодализма на пермских землях придерживались и некоторые советские ученые, несмотря на доминировавший тогда в науке марксистский подход. Так О.Н. Бадер пишет: «Сложение централизованного аппарата управления в этом крае относится к концу XV и XVI векам» [цит. по: 1, с. 224], т.е. фактически уже после присоединения Перми Великой к Московскому государству.

Другая теория, которую следует проанализировать в контексте обсуждаемого вопроса, появилась в конце XX в. и была выдвинута А.М. Белавиным и впоследствии развита рядом других исследователей. Теория «прото-города» или «протогородской цивилизации» основана на многочисленных археологических исследованиях городищ Прикамья (Соломатовское, Городищенское, Рождественское, Анюшкарское и др.).

Упомянутые городища, в контексте данной теории, представляются ремесленными центрами и местом пребывания формирующейся родоплеменной знати, которая контролирует процесс производства и, что более важно, торговые отношения, в первую очередь, с Волжской Булгарией, что

является причиной появления раннеклассовой структуры и раннегосударственных институтов. [2, с. 129].

В свою очередь булгарские купцы, основывая торговые фактории на Волго-Камском пути, привносят на земли Прикамья свои государственные институты, которые адаптируются местной знатью под собственные условия. Исходя из этого, «протогорода» становятся центрами зарождающейся государственности, на которые со временем накладываются институты Золотой Орды и Казанского ханства, а также позднее Московского государства.

Последняя теория, которую следовало бы затронуть, является идея Мансура Олсона под названием «Теория оседлого (или стационарного) бандита». Данная теория в российской науке не является популярной, несмотря на то, что появилась еще в XX в. А в контексте рассмотрения вопроса государственности относительно Перми Великой еще не рассматривалась вообще.

Основу данной теории составляет идея о том, что государство возникает в тот момент, когда так называемый «кочующий бандит» принимает решение осесть на определенной территории и «грабить» живущее там население не эпизодически, как во время «кочевья», а на постоянной основе. В связи с чем и формируется аппарат управления и монополия на насилие. Также «оседлый бандит» должен найти баланс между собственными материальными интересами и благосостоянием его новых подданных, что становится причиной разработки долгосрочных стратегий развития и, формирующихся на их основе, государственных институтов [3, с. 170].

История становления династии Великопермских князей в целом укладывается в приведенную логику «оседлого бандита». Также стоит упомянуть, что их происхождение, согласно данным Вычегодско-Вымской летописи, ведется от Верейской династии, но ряд историков ставит это под сомнение и заявляет о том, что они являются выходцами из местной коми-пермяцкой знати. Тем не менее, в рамках данной теории это не имеет особого значения ввиду того, что в обеих версиях (прото)-государственность привносится извне, потому что Великопермские князья получили свою власть как данники великих князей Московских, став тем самым «оседлым бандитом». Тем не менее, процесс появления государственности в Перми Великой не был завершен, в связи с низложением Великопермской династии в 1505 г. и с присоединением к Московскому государству.

Таким образом, исходя из всех трех перечисленных теорий, полноценное государство на землях Перми Великой так и не зародилось, несмотря на прослеживаемое формирование определенных (прото)-государственных институтов, многие из которых были привнесены поочередно из Волжской Булгарии, Казанского ханства и Московского государства.

Библиографический список

1. Бадер О.Н., Оборин В.А. На заре истории Прикамья. Пермь, 1958.
2. Белавин А.М., Старков А.В. Некоторые вопросы формирования протогородской цивилизации у финно-угорских народов Приуралья // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Сборник статей, выпуск 1. Екатеринбург, 1997. С. 125-130.
3. Мансур Олсон. Диктатура, демократия и развитие (1993) // Экономическая политика: журнал. М., 2010. № 1. С. 167-183.
4. Оборин В.А. Заселение и освоение Урала в конце XI — начале XVII века. Иркутск, Издат-во Иркутского университета, 1990.

Э.Е. Илларионов

Самарский национальный исследовательский университет

ГОЛЛАНДСКИЕ СПЕЦИАЛИСТЫ В РОССИИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII В.

Для России связь с Республикой Нидерландов была значимой во второй половине XVI в. В первой четверти XVIII в. отношения двух стран развиваются и углубляются, выражаясь в первую очередь в привлечении разного рода специалистов. В рамках данной работы постараемся проследить биографии и деятельность некоторых голландцев, достигших определенных успехов в своем деле.

Голландские купцы занимали лидирующее положение в области внешней торговли с Россией с XVII в. В первой четверти XVIII в. они были несколько потеснены англичанами, перейдя на второе место, однако сохранили свои лидирующие позиции в торговле некоторыми товарами, в частности красителями [1, с. 186]. В это время правительством предпринимаются активные действия для переноса торговых маршрутов в балтийские порты [5, с. 145-148]. Однако Архангельск еще долго оставался крупнейшим торговым портом страны: в 1710 г. импорт товаров составил 1,6 млн., а экспорт 3,07 млн. рублей, а в 1717-1719 импорт — 518 тыс. рублей, а экспорт до 2,034 млн. [5, с. 143, 147].

Ярким примером деятельности голландских торговцев выступает компания Яна Люпса, Арнольда Дикса и Кристоффеля Брантса. Их консорциум в 1705-1709 гг. являлся крупнейшим поставщиком оружия, действовавшим в России: на их долю, приходилась поставка порядка 80% ружей и шпаг и 70% пистолетов. В ответ они часто получали доступ к казенным товарам и некоторым видам откупных товаров и монополий [1, с. 200-202]. Однако ко второй половине Северной войны правительство начало переход к протекционистской модели экономики, вводя прямые запреты на